



РЕПОРТАЖИ • ПОЛИТИКА

«Я не хочу войну, я хочу домой»

Как в Курской области живут «временные переселенцы»?
И насколько они временные? Репортаж «Новой газеты
Европа»



Женщина, эвакуированная из пограничных с Украиной районов Курской области в ожидании гуманитарной помощи, Курск, 19 августа 2024 года. Фото: EPA-EFE

09:00, 22 августа 2024,

Ирина Стрельникова

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →



Идет третья неделя операции ВСУ в Курской области. По информации, которую дает Украина, ее войска занимают 92 населенных пункта на территории 1250 квадратных километров. Россия говорит о 28 селах. Большая часть жителей этих сёл, занятых теперь украинцами, уезжали в спешке, бросая жильё, хозяйство, животных, вещи. Всю прежнюю жизнь. Многие остаются в Курске, потому что всё-таки поближе к дому. Они верят, что домой вернуться скоро, что им будет куда вернуться. О том, что тысячи украинцев так живут уже два с половиной года, вслух никто в Курске не говорит. То ли не хотят, то ли боятся, то ли и вправду им это в голову не приходило. Рассказы курян, как они жили два с половиной года и как живут последние две с половиной недели, — это и есть истории о России и ее войне.

Все имена в тексте изменены, настоящие известны редакции, по понятным причинам мы их не раскрываем.

«Сохраняйте спокойствие»

Сирена в Курске ревет почти каждый час. На нее уже и не реагируют: никто не бежит прятаться, прохожие ухом не ведут, по сторонам не смотрят, спешат по своим делам. Раньше был приказ губернатора: как только тревога — общественный транспорт вставал как вкопанный, а пассажиров высаживал. И толпы людей под сирену стояли под открытым небом рядом с автобусами или шли пешком. Потом, видимо, дошло, что с точки зрения безопасности тут что-то не то. Теперь и транспорт на ракетную опасность не реагирует никак. А зачем? Магазины работают как всегда. Когда звучит сирена, в торговых центрах включается свое оповещение: «Уважаемые покупатели!

Сохраняйте спокойствие!» Но никто и не думает спокойствие терять: продавцы — продают, покупатели — покупают, пропуская мимо ушей и сирену, и призывы. Сигнал воздушной тревоги в Курске стал таким же привычным фоном, как домашние ходики с боем.

На въездах в город большими группами стоят вооруженные до зубов «космонавты» и проверяют машины. Водители открывают багажники, закрывают багажники и едут дальше. По улицам ходят люди с автоматами и в масках, в любой момент могут потребовать документы. Куряне стали носить с собой паспорта.

Попробуете сфотографировать местную достопримечательность — могут досмотреть телефон. Куряне перестали делать селфи. В остальном всё как всегда.

Внешне Курск меньше всего похож на прифронтовой город. Что улицы на окраинах разбиты — так тут война ни при чём. А в центре на красивой площади у драмтеатра цветут розы, сверкают под солнцем фонтаны, в брызгах с визгом резвятся дети. Только родители их не фотографируют теперь. Помнят о людях с автоматами, которых, кажется, боятся больше, чем ракетной опасности. Зато играет веселая музыка. Детский хор поет песню «Пусть всегда будет солнце».



Мальчик на фоне жилого дома на улице Союзной, пострадавшего от ракетного обстрела, 18 августа 2024 года. Фото: EPA-EFE

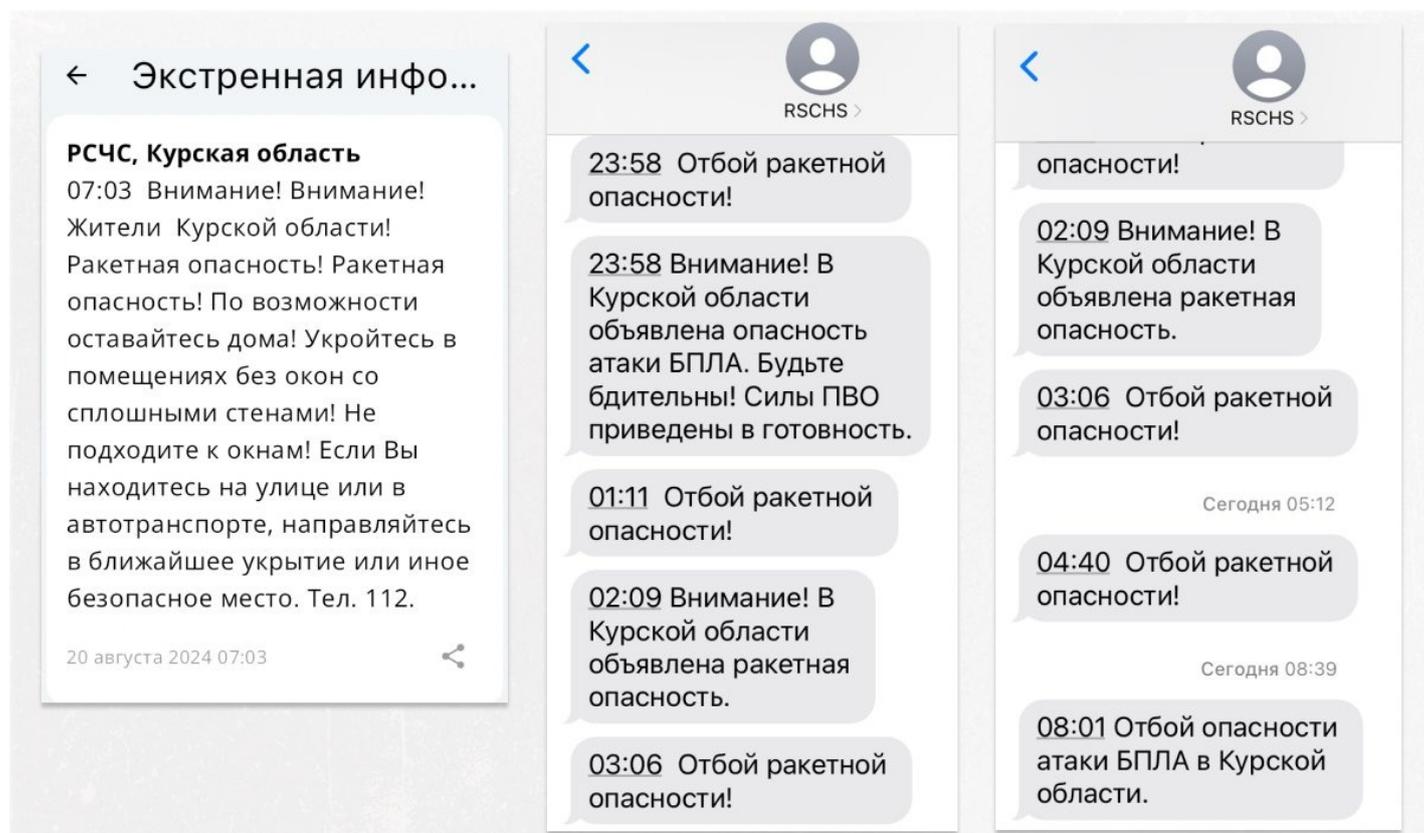
А в десяти минутах езды от этой красоты — тот самый дом 12 по Союзной улице, в который попала ракета. Тогда чудом никто не погиб, но 15 человек пострадали. И даже после того взрыва сигнал воздушной тревоги не сметает людей с улиц.

— Сирена эта воет постоянно, — машет рукой курянин Роман. — Пока мы других звуков не слышим, это же как «волки, волки»: когда надо будет, всё равно никто в подвал не побежит. Люди так устроены, ко всему привыкают. Но по вечерам поменьше стало людей на улицах.

В официальных пабликах фокус уже перевели на восстановление дома: дескать, была украинская ракета, но теперь всё снова хорошо, «приступили к **восстановлению** дома», врио губернатора «ознакомился с ходом работ», вот уже «рабочие установили 17 новых дверей».

Раньше МЧС рассылало курянам сообщения о ракетной

опасности. Сообщения эти с сиреной и с самой опасностью никак не были связаны. Повоет сирена, а через полчаса приходит эсэмэска: «Внимание! В Курской области объявлена ракетная опасность!» Так и писали: объявлена, мол, «будьте бдительны». К 20 августа, когда ВСУ хозяйничали на юго-западе области третью неделю, стали приходиться СМС только о том, что опасность миновала, опять всё хорошо. И так — каждый час. Потом местные власти решили и эти сообщения отменить, а то нагрузка на сотовые сети слишком большая. И правда, чего нагружать сети? Никаких нет причин нагружать. Кому интересна ракетная опасность, те пускай следят за телеграм-каналом губернатора. Или скачивают приложение МЧС. Люди теперь следят, скачивают, а как сирена завоет — идут себе дальше. Если бы каждый раз они бросались в укрытия, пришлось бы оттуда не вылезать.



Сообщения об угрозах обстрелов, которые получают жители Курска от МЧС. Фото: Ирина Стрельникова

— А где они, укрытия эти, вы знаете? — с усмешкой говорит мне Ксения. Она только что вышла во двор с собакой, и прямо сейчас над нами воет сирена. — Вот я была в Белгороде, так там

на каждой улице бетонные блоки поставили, там нормальная система оповещения.

У нас — только свой подвал, если есть. Никто нам не говорил, что делать, когда завоет. Как-то сами все знают: лучше дома сидеть и к окнам не подходить.

Но сама по себе тема подвалов, укрытий, сирен в разговорах возникает то и дело. Одни обсуждают всё это с бравадой и шуточками, другие, как Ксения, ругают местные власти за недостаточную заботу о населении. Так или иначе, тема висит в воздухе.

— Детские сады у нас перевели на свободное посещение, а в школах наверняка будет дистант, вот увидите, — кивает Ксения.

А потом разговор обязательно переходит на беженцев. Их в Курске много. И они заметны. По одежде явно с чужого плеча, по потерянными лицам на автобусных остановках, а главное — по огромным тюкам с заношенными вещами, которые вынуждены таскать эти люди на себе. Весь Курск превратился в большой центр сбора и раздачи «гуманитарки». Нет, наверное, горожанина, который не принес бы что-то из дома для беженцев.

— Так жалко людей, так жалко, — качает головой Алина, соседка Ксении. — Они сами еще не понимают, что с ними произошло. И никто им не сказал, что домой они больше не вернутся. В Судже, говорят, ничего не осталось. У меня вот вещи тоже уже перестираны и собраны. А детскую коляску я отнесла и отдала женщине прямо в руки.



Хотя кто-то уже подсуетился и по-своему подготовился к приему пострадавших. Пока в телеграме создаются группы с объявлениями «бесплатно пуцу пожить беженцев», в Курске резко подорожала аренда жилья.

— В нашем доме семьи три или четыре беженцев снимают квартиры, — продолжает Алина. — У нас эти квартиры были по 15 тысяч, по двадцать, и то еле-еле сдавали. А сейчас ажиотаж пошел — стали по 30 тысяч сдавать, по 50, это здравому разуму не поддается.

«Сказали: не надо записывать»

Площадь в центре Курска заставлена коробками, вокруг свалены в кучи халаты, тапки, чемоданы, штаны, рубашки и ботинки. Женщины и мужчины с напряженными лицами перебирают вещи, рассматривают, что-то кладут в полиэтиленовые мешки. Набьют мешок, поставят на веселую красную плитку, которой вымощена площадь, и следующий набивают.

«Посмотри, вроде маечка твоего размера», — кричит женщина в зеленой кепке другой, помоложе, обутой в очень стоптанные туфли. Та машет рукой: маечка не нужна. «Ну нет больше на тебя ничего», — та, что постарше, с досадой бросает маечку обратно в кучу. Обе они довольно крупные, а вещи к вечеру остаются маленьких размеров, большие быстро разбирают. «Валя, поставь кулек туда, наши вон там стоят!» — женщина с коротким седым ежиком пальцем показывает мужу на кучу мешков. Муж послушно уходит с кульком, жена продолжает поиски в коробке. «А где записать, что мы взяли?» — спрашивает у мужа молодая женщина в платье не по размеру. «Сказали, не надо записывать, так можно брать», — отвечает

муж. На одной коробке лежит белая искусственная шуба. Она огромная, одна займет целый большой мешок из «Пятерочки», а нести-то потом самим. Кто такси вызывает, а кто пешком тащит, сколько руки унесут. Поэтому шубу никто не берет.



Люди, эвакуированные с границы Курской области, получают гуманитарную помощь в центре Курска, 16 августа 2024 года. Фото: EPA-EFE

Надо всем этим на ярком фасаде светлого здания написано: «Курский цирк». Это — один из развалов с «гуманитаркой» для беженцев из курских сёл, занятых теперь украинцами. Таких пунктов сейчас много развернуто по всему городу. На беду, на потоп какой-нибудь или пожар люди в России откликаются быстро. И на войну, которая нежданно-негаданно пришла к ним на третий год «специальной операции», в Курске тоже отозвались всем сердцем: понесли из домов всё, что могли. Есть еще волонтерские пункты помощи, туда вещи привозят уже чистыми, бывает даже новая одежда, с бирками. Волонтеры за этим следят. Там не бросают одежду кучами на асфальт. Но в очередях к таким пунктам приходится стоять часа по три.

В пункте временного размещения (ПВР), который организован в кампусе университета, такой же развал — на асфальте перед гаражами. Там горы детских вещей плюс две коробки с плащами из коричневой клеенки. На улице жара 35 градусов.

И в каждом корпусе ПВР еще свой склад. В одном лежит гора женского белья высотой с половину человеческого роста. Рядом стоят две женщины и просят найти им лифчики по размеру.

— Мы же ж бежали — в чём были, совсем ничего не могли взять, — объясняет тучная пенсионерка, перебирая белье. — Дети бежали в футболках, в шортах — кто в чём был. Едем — на той стороне женщина: садись, кричим, к нам, пока можно. Она тоже прыгнула к нам в машину, в чём была, только документы схватила. Ехать надо было скорее, пока выстрелы стихли. И вот я неделю не могу себе лифчик найти. А у сына 45-й размер ноги, из обуви с собой только тапочки, но здесь ему ничего не подобрать, всё маленькое.

— Привезли много всего, и всё новое, хорошее, — перебивает говорливую женщину работница склада. — Но размеры маленькие, а народ у нас сами видите какой. Самый большой размер привезли 52-й, а у нас есть женщины с 70-м.

Люди, которым приходится рыться в коробках с чужой одеждой, — беженцы из приграничных сёл. Правильнее называть их временными переселенцами. Сами они, покидая дома, были уверены, что всё это и правда временно, дня на три, максимум — на неделю. Если кто и собирал вещи, то самые необходимые. Теперь они потеряли всё только потому, что их стране приспичило воевать с соседней. Государство могло бы дать им

денег, они сами купили бы лифчики и ботинки по размеру. Но и те 10 тысяч рублей (100 евро), на которые родина расщедрилась, еще надо получить.



Коробки с одеждой для беженцев из пограничных с Украиной районов Курской области около цирка. Фото: Ирина Стрельникова

— Моему сыну денег так и не дали, — жалуется женщина на складе с лифчиками. — Он уже и 10 тысяч, которые от губернатора, оформил, и президентские 15 тысяч оформил, а ответа нет.

Схема получения выплат формально проста: пишешь заявление на сайте госуслуг или идешь с бумагами в МФЦ. Десять тысяч полагается от региональных властей, пятнадцать — от президента. Надо указать адрес, по которому живешь сейчас, — то есть временный. И когда-нибудь, может быть, деньги придут. На практике пока мало кому удалось деньги получить.

— Ответа нет — это еще хорошо, — вздыхает другая женщина на

том же складе. — Моим девчатам отказ пришел. И никто не может объяснить, по каким параметрам отказывают. Нам сказали, что фактический адрес не совпадает с каким-то еще. С чем он должен совпадать? Говорят, какой-то сбой на Госуслугах, надо заново оформлять и 14 дней ждать ответа.

Один банк быстро сориентировался и отправил сотрудников по ПВР — оформлять беженцам карты «Мир».

Выглядит как помощь от чистого сердца, если не думать о том, где будут аккумулироваться все выплаты. Странно, что другие банки замешкались.



Очередь на оформление выплат для пострадавших в многофункциональном центре. Фото: Ирина Стрельникова

Всего в Курской области организовано 57 пунктов временного

размещения. Тот, что в общежитиях госуниверситета, — самый большой; сейчас здесь расселили 580 человек, из них 136 — дети. Он же считается и самым лучшим.

— У нас трехразовое питание, все получают фрукты, есть концертная площадка, — пионерским голосом рапортует одна из работниц пункта. — Охраняет нас спецназ, присланный из Москвы. В других ПВР по 100 человек, по двести. Эвакуации в Курской области подлежат 8 районов, в каждом — в среднем по 5 тысяч человек; вот и считайте, сколько у нас беженцев.

А в вестибюле общежития стоит большой телевизор. На складе распахнута дверь, там хорошо слышно, как голос из телевизора кричит изо всех сил: «Теперь впервые за более чем 80 лет иностранные боевики на российской земле захватывают российскую территорию».

«Военкомат архивы бросил и свинтил»

Война пришла в Курскую область совершенно неожиданно. С 24 февраля 2022 года до 5 августа 2024-го люди в приграничных селах верили, что живут в мире. Ну, постреливают где-то там время от времени, ну, дроны летают, так то ж укрофашисты, кто их разберет.

— Мы же ж даже не думали и не ждали! — всплескивает руками Татьяна Борисовна Сердюкова, беженка из Заолешенки. — Ну бомбят — и бомбят, прилеты эти где-то бывают, чего мы там не видали. А видите, как получилось. Администрация поселковая сразу уехала, милиция шестого числа уже смоталась, а нам никто ничего не говорил.

От Заолешенки до границы с Украиной — 7 километров. Соседи Татьяны Борисовны, у которых свои машины были, начали уезжать 6 августа. Никакой централизованной эвакуации не было, каждый сам искал, как выбраться.

— Мы уехали 7 числа в обед, — рассказывает Татьяна Борисовна. — Еле машину нашли, думали, там и останемся. Автобус, как нам сказали, был, но шел только с Солдатского, от нас это 70 километров, туда еще доберись. А тут сосед приехал за своей бабушкой, сын услышал их машину, выскочил и говорит: нас-то подбрось. Тот говорит: без проблем. А сам еще своих родителей не забрал. И вот он нас отвез в Солдатское, потом за своими поехал в Гuevo. И связь с ним пропала. Так мы и не знаем, увез он своих родителей или нет. Хохлы — они же ж такие: они наших еще и отправляли оттуда. Сунут белый флаг: [уматывайте] отсюда, шоб мы вас вообще не бачилы. Видно, это россияне наши, поэтому наших людей жалеют.

Времени на то, чтоб собраться, у Татьяны Борисовны и ее сына не было. Схватили только банку-копилку, в которую скидывали 10-рублевые монеты, паспорта и вещи, какие под рукой оказались. Никто не знал, что такая беда приключится, поэтому за два с половиной года люди в селе у границы с Украиной не завели никаких «тревожных чемоданчиков».

— У меня кулечек был с документами и разными тряпочками, ну, знаете, уже возраст, проблемы разные со здоровьем, — делится Татьяна Борисовна. — И вот я старое всё схватила, а новое оставила. Два телевизора осталось там, компьютер у сына остался. Сын говорит: давай компьютер возьмем. А я его перебила — и не взяли. Мы-то думали, дня на два едем. Никто вообще ничего нам не говорил. Сосед говорит: в воскресенье уже домой поедем. И вот сидим тут уже две недели, и неизвестно, что дальше.



Мирные жители, эвакуированные из приграничных населенных пунктов Курской области после вторжения украинских войск, временно размещенные в спортивном клубе в Курске, 18 августа 2024 года. Фото: EPA-EFE

Во дворе у Татьяны Борисовны жили собака и две кошки. Собаку успели отвязать и еды ей накидали. А у соседки остались привязанные и собаки в вольерах.

— Она теперь плачет, как там ее скотина, — переживает Татьяна Борисовна за соседку. — Мы надеемся вернуться, но там же ж всё побито. Мне 69 лет, я там всю жизнь прожила, родители мои там жили. Хоть бы уж стены устояли, а остальное как-то соберем, сделаем. Все же ж домой хотят.



Украинский военный автомобиль на дороге в Курской области, 20 августа 2024 года. Фото: Минобороны РФ / EPA-EFE

Александр и Люба из Казачьей Локни уезжали 6 августа. Люба беременная, в сентябре ей рожать.

Во время обстрелов они с мужем прятались в подвале. Как-то вышли, а мимо российские военные едут. Они заметили эту семью и вывезли на бронетранспортере. Но супруги не успели взять из дома даже документы.

Людмила Фролова из Суджи тоже уезжала почти без вещей, потому что главное было — унести в рюкзачке кошку.

— А сосед выехал, оставив во дворе овчарку, — рассказывает Людмила. — Он поехал обратно окольными путями, чтобы ее покормить. Говорит, приехал, а она сидит и вот такими слезами

плачет. Люди ездили потом, чтобы свою скотинку хотя бы отпустить или корма оставить, сколько могут. Есть соседи, у которых на цепи собаки остались. Мы ж не знали, что такое будет. Сёла, которые у самой границы, эти два года обстреливали, это было, но город не трогали. И никто нас не предупредил. Прокуратура сразу выехала. Военкомат все архивы бросил, как есть, и свинтил. Полиции мы в городе уже шестого числа не видели. Один дом загорелся, так пожарные стояли рядом и не могли тушить, потому что должны сначала газовики приехать и газ отключить, а газовиков-то уже и не было.

Самое близкое к границе село — Олешня. Оно было первым, куда вошли ВСУ. Николай прятался в подвале, как и его соседи.

— Куда ехать-то? — разводит он руками. — Бабки и деды сидели по подвалам, никто нас не вывозил. У друга родители выехали, два дня побыли в другом селе, потом вернулись. А потом рядом с ними ракета упала и воронка образовалась размером с дом. Только тогда они в ПВР переехали. А меня вообще могли не заметить. Я один живу, слышу — где-то уже стрелковый бой идет. Тут соседи на машине вернулись и случайно меня увидели: Коля, говорят, ты чего остался-то? Дали мне полчаса на сборы, я успел схватить полотенце, зубную щетку, пару футболок и шлепанцы.



Жители пострадавших от боевых действий районов Курской области ждут выдачи гуманитарной помощи в Курске, 17 августа 2024 года.
Фото: Владимир Александров / Anadolu / Abaca Press / ddp images / Vida Press

«Прокуратура и ФСБ смотались первыми»

Сергей жил в Судже. В ночь с 5 на 6 августа обычные звуки «прилетов», к которым в приграничном городе привыкли, сменились сильным обстрелом. Утром Сергей с женой и дочкой сели в машину, съездили в соседний район на АЗС — в Судже бензина уже не было. Закупили продуктов. Дочку сразу решили отвезти к родным в Курск. И только в Курске поняли, что происходит у них в Судже.

— Когда ты там, внутри этого пузыря находишься, ты не понимаешь, что вокруг тебя происходит, — объясняет Сергей. — Ты же в лесу видишь только соседние деревья, а самого леса не видишь. Мы жили в нескольких километрах от границы, в близлежащие сёла постоянно что-то прилетало, и люди за два года привыкли: ну, стреляют, подумаешь. Ну, стали сильнее стрелять, ничего. Ну, свет пропал, не страшно, скоро починят —

будем дальше жить. Мы там жили — как внутри консервной банки. Ну, стало немного громче. А в Курске мы почитали телеграм-каналы и узнали, что у нас уже бои идут в городе.

Сергей поехал обратно в Суджу — забирать маму и бабушку, прикованную к кровати. Купил по дороге продуктов и раздавал всем, кого встретит на улицах. Вслед за ним из Курска ехала машина волонтеров, они вывозили тех, кто не мог выбраться сам. Никакой другой эвакуации не было.

— Если бы сразу объявили людям, что происходит, было бы хоть время собраться, — говорит Сергей. — Но прокуратура и ФСБ смотались первыми, еще шестого числа. Люди пытались что-то узнать в администрации, а им говорили: звоните 112. А какое 112, если там уже света не было, связи не было? Могли бы хоть листовки расклеить, хоть машину запустить с громкоговорителем. После уже людям пришлось бежать, кто как мог. Кто на своих машинах уезжали, кого-то соседи забирали. Кому места не хватило в машинах, те пешком шли. Бежали из дому в тапках, не успев даже документы прихватить. Из Куриловки 11 человек вплавь через реку перебирались.

Отец Сергея поначалу наотрез отказался уезжать, не хотел бросать хозяйство. Потом рядом с ним не осталось никого из соседей, телефон уже не работал, и Сергей поехал за отцом, не зная, найдет ли его живым.

— Я ночью ехал без фар, все приборы выключил, на панель тряпку положил, окна открыл, чтобы дроны слышать, они же ночью сильнее летают, — рассказывает он. — Страшно очень

было. Одним глазом вверх смотрел, другим на дорогу. Пробирался не по шоссе, а окольными тропами. Доехал, отца разбудил, в машину посадил и сразу обратно. Собрать его времени уже не было, даже документы его не взяли. Обратно еду — стоит простреленная машина, но люди в ней все живы. Прицепил к их машине веревку и на буксире потащил.



Памятник Ленину в центре Суджи после начала оккупации украинскими военными города, 16 августа 2024 года. Фото: Ян Доброносков / AFP / Scanpix / LETA

Сосед Сергея, Никита, тоже возвращался в Суджу, чтобы вывозить знакомых. В это время в городе уже стояли ВСУ.

— Не то чтобы они тогда уже захватили и зачистили город, но присутствовали, — уточняет он. — Сват мой от танка убежал. Одноклассник мой погиб. Медсестре руку прострелили. Еще один сосед после нас выехал, говорит: видел, как по твоему гаражу уже солдаты ходили, компотик твой пили. Тогда еще это были наши солдаты.

В Курске Никита смог снять квартиру за 50 тысяч рублей в месяц. Еще две недели назад такое же жилье стоило вдвое дешевле. И он не знает, долго ли сможет платить за это жилье.

— А тут еще я телевизор включил, а там такой разговор идет, что типа не жалко, пусть Курскую область забирают, — усмехается он. — Как так? У меня там дом, я домой хочу. Я свой дом десять лет отстраивал. Только теплицу построил, только огурцы посадил. Я хочу туда вернуться. Две недели назад я не мог представить, что такое может быть, что мне из моего дома придется куда-то бежать. У меня до сих пор ощущение, что я приехал сюда в гости и назад скоро вернусь. Кто не пережил такого, тому трудно это понять.

«Для больных мест не было»

Марина живет в Подмосковье, но родилась она в Судже, там оставались ее мама и племянница. Когда под Суджей начались бои, Марина сразу позвонила маме и стала умолять ехать к ней.

— Но мама моя ухаживала за тремя пожилыми лежащими женщинами, ходила к ним домой, и она ответила, что женщин этих не бросит, — рассказывает Марина. — Ну и сначала вообще непонятно было, насколько это серьезно. Шестого числа утром мама сказала мне, что сходила к своим старушкам, накормила их, оставила воды, чтобы вечером уже не ходить, и теперь они с племянницей прячутся в подвале. Вечером шестого числа связь пропала совсем. И до 12-го я не знала о маме и племяннице ничего.

Ту неделю родные Марины провели в подвале, поднимаясь в дом только для того, чтобы поесть и попить. Для питья у них были компоты, а еду готовили на костре. К этому времени в

городе уже не было ни воды, ни электричества, ни газа. Потом компоты кончились, и за водой женщины пробирались к речке.

— Они слышали, что снаружи украинцы, военные проезжали мимо их дома, — продолжает Марина. — Готовить на костре они боялись, поэтому трое суток не ели. Но мама всё равно выбиралась из подвала и ходила кормить своих старушек. Через три дня они решили выбираться из города. На дороге их остановили вэсэшники и потребовали отдать телефоны. Два телефона они отдали, а третий спрятали. Их никто не обыскивал, просто отпустили. До соседнего села километров двадцать они шли пешком через поля, а потом уже встретились с нашими военными. Мама сообщила им адреса своих старушек. Я знаю, что двух уже вывезли волонтеры.

Украинцы волонтеров пропускают, хотя я знаю мальчика, который вот так поехал кого-то забирать — и не вернулся.

С родственниками третьей старушки мы пока не можем связаться, о ней мы ничего не знаем.

От мамы и племянницы Марина знает, что к мирным жителям «ВСУ относятся по-разному».

— Вот моих родных просто отпустили, — говорит она. — А знакомым нашим под ноги стреляли и матом приказывали уматывать. У подруги дядю убили. Всё по-разному. В одном селе под Суджей остались люди в интернате, так украинцы врут, что спасли их. А наши СМИ рассказывают, что ВСУ держат людей как живой щит.

Спрашивать, почему интернат не эвакуировали российские власти, у Марины бессмысленно: она тоже считает, что

помешали этому украинцы. Хотя тут же признает, что в этих селах в принципе не было эвакуации для больных и маломобильных.



Жители Суджи, укрывающиеся в одном из подвалов, 16 августа 2024 года. Фото: Минобороны Украины / AFP / Scanpix / LETA

— То есть была какая-то маршрутка, но они и маму с племянницей взять не могли, потому что мест не было, — уточняет Марина. — А для больных и лежачих — тем более. В СМИ сообщали, что в первые сутки якобы в Суджу было направлено 80 микроавтобусов, но мама ничего такого не видела. Хотя она ходила по городу, чтобы кормить бабушек. И я неделю так и не смогла связаться с какими-то властями, чтобы сообщить, что там есть люди, что их надо вывезти. В МЧС мне сказали, что никого не эвакуируют, потому что это опасно. А потом просто нахамили: кого, говорят, вы собрались эвакуировать, если они на связь не выходят. У соседки сын — волонтер, поехал туда людей вывозить и пропал. Ей в МЧС сказали: если он такой дурак, что туда поехал, то пусть там и

сидит.

К Марине ее родные приехали с теми вещами, которые смогли нести 20 километров пешком. С одеждой им помогли соседи уже в Подмоскowie. Там же обе беженки подали заявления на пресловутые 10 тысяч рублей.

— Маме пока помощь не одобрили, — говорит Марина. — А племяннице отказали, потому что официально у нее регистрация в другом районе, где не было боев, поэтому ей ничего не положено. То есть она неделю была под обстрелами, сутками не ела, потеряла всё, что было, но пострадавшей не считается. Она по ночам стала кричать. И у мамы стресс. Там она неделю держалась, а сейчас плачет всё время. Очень хочет домой, но мы не знаем, что она там найдет. И когда.



Эвакуационный автобус с людьми из приграничных населенных пунктов в Курской области, 17 августа 2024 года. Фото: Владимир Александров / Anadolu / Abaca Press / ddp images / Vida Press

«То есть умри, чтобы обеспечить семью»

Вика уезжала из Коренева вместе с бабушкой, мамой, тетей и младшим братом. У бабушки полностью сгорела квартира. Дом, где жили Вика с мамой и братом, был цел, когда семья его покидала. И любимую кошку Вика увезла с собой. Но во дворе остались куры и утки. У соседей коровы и козы.

— Как-то мы не думали и не гадали, что до такого дойдет, — качает головой Вика. — По Кореневу били, конечно, но сначала нам сказали, что наши военные всех отогнали. Потом ВСУ по инфраструктуре уже били, но дома не трогали. Бахнули по заводу низковольтной аппаратуры, их таких в России вообще мало, этот завод украшал наш поселок, там 500 человек работало. А теперь все цеха сгорели. Потом полностью погрануправление сгорело. Потом по предприятиям стали бить, магазины все сгорели, банк сгорел. И дальше у нас всё решилось за 3–4 минуты, потому что нас брали в автобус. Но нам говорили: это временно, скоро вернетесь. Мы думали, что максимум на неделю едем. Собирались в спешке, я вместо нового ноутбука схватила сумку со старым.



Последствия падения обломков ракеты во дворе жилого дома в Курске, 11 августа 2024 года. Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ / Reuters / Scanpix / LETA

В Курске их семья с трудом нашла, где жить. Жилье в городе вдруг подорожало вдвое, квартиры, которые раньше можно было снять за 15 тысяч, теперь стоят 30–35. И никто не хотел пускать к себе семью с кошкой. Вике удалось найти в частном секторе комнату, где они теперь живут вшестером: она, мама, бабушка, тетя, младший брат и кошка.

— И я не знаю, надолго ли это, — повторяет Вика. — Курск ведь тоже недалеко от границы, и нам уже говорили, что скоро надо будет дальше уезжать, в сторону Москвы. Мы уже и тут сидели вечером во дворе, чай пили. И что-то сирена завывала, а потом как бахнуло — и ракета прямо в дом рядом с нами попала. Это тот самый дом на Союзной, в который был прилет. Там и почта сторела рядом.

У Вики есть молодой человек. Осенью 2022 года он получил повестку о мобилизации. Воевать пошел охотно, говорил, что

надо защищать родину.

— Теперь говорит, что они там — расходный материал, — вздыхает Вика. — Его на СВО ранило, у него теперь нога не сгинается. Когда только ранили, его в госпиталь отправили. В госпитале он побыл полтора месяца, потом его отпустили домой. А под конец отпуска он командиру написал: мне приезжать? Командир ему отвечает: пока тебя не трогают — сиди. Он так просидел год. А месяц назад его опять забрали. Сказали: не поедешь — заведут уголовку, а это от пяти лет. И ранение его никого не волнует. Он говорит: у них на передовую кидают даже инвалидов. Расходный материал. У них, как он говорит, есть два танка: один стреляет, но не едет, другой едет, но не стреляет. И всё надо за свой счет покупать, министерство обороны их никак не обеспечивает. Сейчас уже у них даже плакаты стали делать: «Служи по контракту — обеспечь семью». То есть умри, чтобы обеспечить семью.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:



[«Граница остается дырявой»](#)

Начальник штаба РДК — о том, как охраняются рубежи, об опыте рейдов, об отношениях с местными и планах ВСУ

10:28, 21 августа 2024, Илья